

В объятьях ледяного сна

Одна из старейших и самых продуктивных идей в научной фантастике — идея анабиоза, то есть замедления или приостановки жизненных процессов человеческого организма, с тем, чтобы восстановить его нормальное функционирование, обычно через период, существенно превышающий срок жизни этого организма.

Бенджамин Франклин — не только политик, но и ученый-универсалист, и замечательный мыслитель — пришел к идее использования анабиоза для продления жизни еще в 1773 году. В одном из писем он предлагает следующее: «Кажется очевидным, что доктрины жизни и смерти в общем-то еще недостаточно поняты. Я хочу, чтобы было возможным... изобрести метод бальзамирования утонувших людей, так чтобы они могли бы быть возвращены к жизни через любой период, даже весьма длительный; из-за страстного желания увидеть и наблюдать состояние Америки через сотни лет я должен был бы предпочесть обычной смерти погружение в бочку мадеры с немногими друзьями до того времени, чтобы быть тогда оживленным солнечным теплом моей дорогой страны. Но по всей вероятности, мы живем слишком рано, в период детства науки, чтобы надеяться увидеть подобное искусство доведенным до совершенства уже в наше время».

Сам термин «анабиоз» появился только в исследовании немецкого ученого Вильгельма Прейера в 1873 году, хотя в художественной литературе случаи анабиоза описывались еще с XVIII столетия.

Уже в романе Луи-Себастьяна Мерсье «Год 2440», изданном в 1771 году, герой переносится в будущее во сне. В рассказе другого француза, Эдмона Абу, «Человек со сломанным ухом» (1861) мумифицированный полковник наполеоновской армии возрождается, чтобы отбить у изобретателя способа своего оживления собственную внучку. В рассказе Эдгара По «Разговор с мумией» (1845) оживает древнеегипетская мумия возрастом в пять тысяч лет, а в финале и сам герой просится на ее место, чтобы отправиться в будущее.

В романе знаменитого Луи Буссенара «Десять тысяч лет во льду» (1889) герой — швед, доктор Синтез — оживает после гибели в полярной экспедиции и находит мир населенным потомками китайцев.

Анабиоз не всегда был связан с холодом. В повести венгерского Жюль Верна, писателя Мора Йокаи «20 000 лет подо льдом» (1889) герой оживляет двух первобытных людей, сохранившихся до его времен в кристаллах кварца. Как объясняет это повествователь, они должны были попасть в перенасыщенный раствор двуокиси кремния, став его ядрами кристаллизации. Чудодейственные свойства горного хрусталя сохранили их невредимыми в хрустальных контейнерах, пока не появился путешественник.

На анабиоз возлагались необычайные надежды. Писатель-фантаст и поэт, принадлежавший к направлению «биокосмистов», Александр Ярославский писал в «Поэме Анабиоза» (1922):

*Синей небесной угрозе
Нашу ли мощь расплескать?
Завтра весь мир заморозят
Анабиоза войска.*

*Холода львиная доза
Избавит от глупых задир,
Челюсти Анабиоза
Завтра захлопнут мир.*

Для тех, кого не устраивала обычная машина времени, анабиоз стал удобным и надежным средством путешествия в будущее, как правило, за пределы естественной человеческой жизни. Впрочем, были и исключения. В пьесе Владимира Маяковского «Клоп» (1928) герой переносится вперед только на 20 лет и попадает в преображенную революцией Россию, то бишь СССР. Где он со своими мещанскими наклонностями оказывается так же уместен и желанен, как и замороженный вместе с ним клоп.

В рассказе Александра Горбовского «Он проснется через 200 лет» (1964) устройство для анабиоза создает филолог — как средство отправиться к будущим космолетам и сияющим небоскрегам от строгой и несправедливой начальницы. И только в миг засыпания вдруг ощущает свое родство с окружающими людьми, единство с временем. Тем не менее герой остается ждать будущего в инее и синеватом свете анабиозной камеры.

В рассказе Валентины Журавлевой «Сквозь время» (1958) герой вынужден уходить в анабиоз. Он поражен проказой, и ледяной сон для него — возможность дожидаться появления спасительного лекарства. От рака спасается в анабиозе главный герой романа Николая Амосова «Записки из будущего» (1965, 2003). Замечательный писатель, ученый, врач, Амосов уделил много внимания научно-технической стороне дела. Его герой отправляется в будущее усилиями большого коллектива, после решения множества нетривиальных задач по поддержанию жизнедеятельности в замедлившемся организме.

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

Природный анабиоз стал средством перенесения в наши дни вымерших животных и представителей древних цивилизаций. В рассказе Михаила Грешнова «Маша» (1961) из вечной мерзлоты вытаивает целый мамонт. В основе, конечно, рассказы ээка о том, что мясом вытаявших мамонтов можно питаться, и даже видели тритонов, оживших после размораживания.

В начале космической эры анабиоз стал замечательным средством преодоления не только бездны времени, но и пространства. Как штатное средство используют его космонавты на субсветовых кораблях. У Ивана Ефремова в «Туманности Андромеды» (1957) большая часть экипажа звездолета спит, бодрствуют только дежурные. В романе Станислава Лема «Непобедимый» (1964) спит в «гибернаторах» весь экипаж, чтобы пробудиться, когда автоматы определяют, что корабль приблизился к цели. В замороженном состоянии прибывает на Землю экипаж «Пицундского метеорита» — чужого звездолета из романа Александра Студитского «Разум Вселенной» (1962).

В романе Александра Колпакова «Гриада» (1958) к анабиозу прибегают родные улетающих на столетия космонавтов. Возлюбленная главного героя отправляется в Пантеон, чтобы дожидаться возвращения экспедиции... через миллион земных лет.

Нетривиальную версию ледяного сна представил Ларри Нивен в рассказе «Дождусь» (1964). Его герой, замерзая на Плутоне, при мгновенном охлаждении до сверхнизких температур сохраняет за счет сверхпроводимости активность в нервных цепях. Источник бесконечного раздражения для него — иней от последнего дыхания, осевший на глазах, и невозможность смахнуть его. В таком виде он и его товарищ могут ждать спасения очень долго.

Массовый анабиоз становится средством решения необычных земных проблем. В романе поляка Богдана Петецкого «Только тишина» (1973) все человечество погружается в анабиоз на 80 лет. Цель — дать природе возможность восстановиться, за это время вредная химия уйдет из верхних слоев коры до магмы. На планете остаются бодрствовать только дежурные звездолетчики, которым не привыкать к долгим вахтам у анабиозных камер своих товарищей, да диссиденты, идейные противники проекта.

А вот в цикле «Анабиоз» (2011), придуманном Сергеем Палием и Алексеем Гравицким, все человечество впадает в анабиоз без

подготовки — на тридцать лет. Очередной коллаيدر виноват. Здесь анабиоз — просто синоним еще одной большой катастрофы, прелюдия к постапокалиптическому миру. Интересен этот поворот темы только по сравнению с идеями наших космистов. Хорошо видно, как далеко и в каком направлении ушли искания улучшателей мира. Здесь «перезапуск» человечества не средство переноса героев в будущее или к звездам. Это как бы выброс истории вбок, от не слишком вдохновляющего российских фантастов столбового пути развития человечества к — возможно — более естественному с точки зрения фантастов ходу истории.

На пути ледяного сна возникают в высшей степени интересные ответвления и пересечения с другими фантастическими идеями. И уже не только в фантастике. Совсем недавно, 13 марта 2018 года, было объявлено, что двое американских ученых, Роберт Макинтайр и Джордж М. Фахи (стартап Nectome, <https://nectome.com/>), получили премию в 80 тысяч долларов «за сохранение мозга большого млекопитающего», присуждаемую Обществом сохранения мозга. Они сумели сначала заморозить мозг свиньи, а потом и человека с, по крайней мере, теоретической возможностью сохранения всех 150 триллионов его соединений. Целью этих экспериментов не является анабиоз в классическом понимании этого слова, никто не собирается оживлять замороженный таким путем орган. Но — теоретически, пока чисто теоретически — конфигурацию соединений нервных клеток в таком мозге можно проанализировать и перенести. В машину или в другой мозг. Исследования по анабиозу хоть и неспешно, но движутся вперед. Он по-прежнему остается заманчивой возможностью для преодоления космических расстояний, бездн времени и пространства. И возможно, когда-нибудь над анабиозными ваннами людей с Земли прозвучат слова, которыми будили пришельцев из далекой звездной системы 7327 после одиннадцатитысячелетнего сна в повести Георгия Гуревича «Прхождение Немезиды» (1957): «Проснитесь, спящие! Мы у цели!»

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**